

7

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований
Отдел сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков
и ареальных исследований

МАЛЫЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

МАТЕРИАЛЫ ВТОРОГО РАБОЧЕГО СОВЕЩАНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 19 декабря 1997 г.

Санкт-Петербург
1998

Bakker P. Notes on the genesis of Calo and other Iberian Para-Romani varieties// Romani in Contact. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Boretzky N. Zum Interferenzverhalten des Romani// Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 42, Hft. 3. 1989.

Boretzky N. Interdialektal interference in Romani// Romani in Contact. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Boretzky N., Iglá B. Morphologische Entlehnung in den Romani-Dialekten (Arbeitspapiere des Proektes "Prinzipien des Sprachwandels", Nr.3). Essen, 1991.

Boretzky N., Iglá B. Lautwandel und Natürlichkeit. Kontaktbedingter und endogener Wandel in Romani (Arbeitspapiere des Proektes "Prinzipien des Sprachwandels", Nr.4). Essen, 1993.

Courthiade M. O kodifikaciji i normalizaciji romskog zajedničkog jezika// Jezik i kultura Roma. Sarajevo, 1989.

Courthiade M. Dialectological inquiry for a classification of the dialects of the Romani Language. Besiers, 1992.

Courthiade M. Phonologie des parlers rrom et la diasystème graphique de la langue Rromani. Thèse pour le doctorat. Paris, 1995.

Frazer A. The Gypsies. Oxford UK; Cambridge USA, 1993.

Gilliath-Smith B. Report on the Gypsy tribes of North-East Bulgaria// Journal of the Gypsy Lore Society, N.S., 1916, vol. 9.

Hancock I. The development of Romani linguistics// Languages and Cultures. Studies in Honor of Edgar C. Polome. Berlin; New York; Amsterdam, 1988.

Pischel R. Grammatik der Prakrit Sprachen. Strassburg, 1900.

А. Н. Соболев (ИЛИ РАН, С. -Петербург)

Диалекты восточной Сербии и западной Болгарии*

Г. В сравнительно-историческом славянском языкознании отдельный славянский язык определяется как комплекс или набор определенных языковых черт, дифференциальных для целой группы славянских языков [1]. При этом может оказаться, что диалектные различия внутри отдельного языка (например, между севернорусским и южнорусским) древнее и глубже, чем различия, разграничивающие близкородственные (например, восточнославянские) языки [2]. Во избежание классификационных противоречий в таких случаях часто пытаются обнаружить исключительные черты, характеризующие только один определенный язык и таким образом его обособливающие. В сербокroatистике, например, предпринимаются попытки определить сербохорватский язык путем использования негативных исключительных признаков. Д. Брозович предлагает считать такими "исключительно сербохорватскими" чертами отсутствие типичной славянской социативной конструкции **mi s tobom* в значении "мы с тобой", а также отсутствие каких-либо следов старого генитива на -и [3]. Даже если оставить в стороне возражения, связанные с малой внутрисистемной и классификационной "весомостью" этих признаков и невозможностью определить их хронологию, первый из них должен быть отклонен уже потому, что конструкция *mi s tobom* известна сербским говорам - говору галлиполийских сербов (с. Пехчево, Македония) и говору с. Радимна (Румыния) [4]. Кроме того, если оставаться в рамках традиционного подхода к дефиниции отдельного языка, диалекта или говора, то следует иметь в виду, что с общетеоретической точки зрения специфика системы состоит не в ее исключительных особенностях, а в особой комбинации признаков, могущих быть общими для целого ряда систем.

В южнославянской языковой области, представляющей собой непрерывный диалектный континуум, "одна зона особо выделяется тем, что в ней изоглоссы сконцентрированы исключительно

плотно. Это пучок изоглосс, протянувшийся от Дуная в районе Видина, через окрестности Белоградчика, Берковицы, Брезника и Радомира до горного массива к западу от Кюстендила" [5]. Данный проходящий по территории западной Болгарии пучок изоглосс является важнейшим для генетического членения южнославянского ареала и отражает "старое двучленное деление этой области на западную и восточную части" [6], так называемые западноюжнославянский и восточноюжнославянский ареалы. Пять изоглосс (развитие прасл. *t' и *d'; окончание Ном.-Акк. мн.ч. а-основ -е (žele); окончание Акк. ед.ч. м. и ср.р. местоименного склонения -ga (lęga); окончание 1 л. мн.ч. наст.вр. -то; окончание 3 л. мн.ч. наст.вр. -и) вне всякого сомнения древнее, чем "большинство других изоглосс, пересекающих в настоящее время южнославянскую языковую территорию" [7]. По мнению И. Поповича, они могут быть датированы уже 4-6. вв. и относятся, таким образом, ко времени заселения южными славянами Балканского полуострова. Другие изоглоссы (например, совпадение редуцированных; развитие *ǫ; окончание 1 л. ед.ч. наст.вр.; развитие *ǰ) представляют "относительно позднее развитие" и относятся ко времени древнейших письменных памятников. Во всяком случае, в представлении некоторых сербских лингвистов (А. Белич, И. Попович) пучок изоглосс в западной Болгарии должен указывать на наличие "резкой границы" между двумя южнославянскими массивами как минимум уже в 9 в. [8].

Второй пучок изоглосс, проходящий с незначительными отклонениями западнее первого по территории Югославии примерно по линии: югославско-албанская граница между городами Дечани и Джайковица - устье реки Лаб - Крш - Прокупле - Сталац - Болевац - югославско-болгарская граница у Заечара [9], отражает уже распространение явлений типологического характера, таких как: отсутствие фонологически релевантных количественных и качественных противопоставлений у гласных; аналитическая именная система; наличие постпозитивного артикля; удвоение объекта формами личных местоимений; отсутствие инфинитива; образование формы футура с помощью неизменяемой формы глагола "хотеть" и др.

Вопрос о языковой принадлежности диалектов восточной Сербии и западной Болгарии, расположенных между этими двумя

пучками изоглосс, давно уже стал объектом острых дискуссий. Примечательно, что господствующий в славистике принцип определения принадлежности пограничных говоров по их "общей системе" приводит к взаимоисключающим заявлениям:

- в пограничных говорах "речь идет об очень важных древних сербохорватских чертах, обладающих большой частотностью и пронизывающих всю систему (таково везде фонетически закономерное *u* из *ǫ*; таковы окончания всего склонения и спряжения и т. д.)" [10];

- "болгарские черты в этих говорах затрагивают их языковую структуру, относятся к составляющим частям самого языка, представлены в них не как конкретные единичные факты, а определяют вид и систему этих говоров" [11].

В конечном счете в основе различий между подходами болгарской и сербской диалектологии лежат следующие антиномии:

- языковое родство и его степень устанавливаются на основании закономерных звуковых соответствий / языковое родство и его степень устанавливаются на основании "языкового типа";

- за точку отсчета при анализе языкового родства принимается реконструируемое прасостояние языка / за точку отсчета при анализе языкового родства принимается современный литературный язык.

Особенность современной болгарской лингвистики состоит в том, что после нескольких предпринимавшихся в прошлом попыток дефинировать болгарский язык на основании закономерных звуковых соответствий и исходя из реконструируемого прасостояния [12] в обоих случаях была выбрана вторая возможность.

Возможен, однако, не собственно лингвистический подход к разграничению диалектов близкородственных языков. Помимо собственно лингвистических в восточной Сербии и западной Болгарии проходят еще две разграничительные линии: современная политическая граница между Сербией и Болгарией и этническая граница между сербами и болгарами. При этом этническая граница определяется согласно известному правилу Стойкова-Ивича: "Носители переходных диалектов, проживающие

на территории Болгарии в границах до 1918 г., являются болгарскими, в то время как проживающие на территории Югославии - сербами" [13]. Изменение политической границы между двумя государствами и уступка Болгарией территории по мирному договору в Нейи (1919) привели к тому, что на территории Сербии оказалось болгарское меньшинство, проживающее между старой и новой границей в общинах Димитровград (ранее Цариброд) и Босилеград и признаваемое югославскими властями. Население по обеим сторонам этой этнической границы четко осознает ее наличие, что неоднократно подтверждалось в ходе диалектологических экспедиций автора в район. Языковая принадлежность говоров вокруг сербско-болгарской границы и дефиниция языковой границы может быть поставлена в зависимость от синхронного этнического (таким образом, также и этнолингвистического) самоопределения носителей соответствующих говоров [14] (ср. с возможностью аналогичного решения в западнославянской лужицкой языковой области [15]). Так как в регионе наблюдается неоднозначная языковая и ясная национальная ситуация, "следует прийти к выводу, что болгарскими лучше всего считать те говоры, на которых говорят болгары, а сербскими - те, на которых говорят сербы" [16]. При этом сербско-болгарская языковая граница совпадает с этнической и проходит по территории Сербии по западной границе общин Димитровград и Босилеград.

II. Очевиден тот факт, что сербохорватские говоры в районах Заечар, Княжевац, Бела Паланка, Пирот, Бабушница (так наз. область Лужница), Црна Трава (в восточной части) и Крива Паланка с одной стороны, и болгарские говоры районов Белоградчик, Берковица, Трын, Брезник, Димитровград и Босилеград с другой, занимают особое место среди "диалектов восточной Сербии и западной Болгарии", выделяясь в качестве особой лингвистической единицы как на фоне сербского и болгарского диалектного континуума, так и в силу их внутреннего единства. В качестве основных особенностей этих говоров принято указывать на: 1) аффрикаты *č, ʒ* в качестве рефлексов прасл. **tj, *dj*; 2) гласный *u* в качестве рефлекса прасл. **o*; 3) гласный *e* в качестве рефлекса прасл. **e*; 4) один "темный" гласный в качестве рефлекса обоих прасл. редуцированных **ь* и **ъ*; 5) сохранение *ǰ* (или его переход по определенным правилам

в *lǝ, u*); 6) полная утрата консонанта *h*; 7) сохранение оппозиции между *l/ǰ, n/ń* в конце слова и перед гласными переднего ряда; 8) палатализация заднеязычных *k* и *g* перед гласными переднего ряда и после *j, ǰ, ń*; 9) окончание *-e* в Ном. мн.ч. существительных женского рода на *-a* (*žele*); 10) архаическое окончания Ном. мн.ч. существительных мужского рода *-e* (*gosje, sinove, gražañe*); 11) наличие постпозитивного артикля и др. [17]. Наиболее примечательной чертой этих говоров является переход прасл. **tj, *dj* в *č, ʒ*, по которому они могут получить название "южнославянская *č, ʒ*-зона".

Вследствие разделения зоны на западную сербскую и восточную болгарскую часть она никогда не была объектом лингвистического исследования как особая единица [18], что вызвано в немалой мере существенными различиями между национальными (сербской и болгарской) диалектологическими традициями. Эти традиции различаются уже в способах сбора, представления и анализа (интерпретации) полевого материала даже на уровне описания отдельных идиомов [19], что затрудняет или делает невозможным их сопоставление.

Объектом исследования в сербской диалектологической традиции является тимокско-лужицкий диалект призренско-тимокского наречия (диалектной зоны), отделившийся от штокавской общности примерно около 12-13 вв. [20]. Остается открытым вопрос, связано ли это с возможной миграцией носителей этих говоров на восток в область северной Стара Планины, или же восточная граница *č, ʒ*-зоны проходила в прошлом "точно так же, как в настоящее время" [21]. В основу классификации тимокско-лужицкого диалекта на два говора (тимокский и лужицкий) положен критерий рефлексов *ǰ*, предложенный практически одновременно О.Брохом в его известной, но мало использовавшейся монографии, и А.Беличем [22]. Сербская диалектология располагает целым рядом монографий и исследований монографического типа об обоих, тимокском и лужицком [23] говорах. Следует подчеркнуть, что большинство работ о диалектах восточной и южной Сербии не содержит сведений о диалектной микродифференциации на этой территории (за исключением [24]) и об отношении исследуемых говоров к соседним. Кроме того, говоры таких важных районов

как Бела Паланка, Пирот (объединяемые обычно с тимокским) и Крива Фея (обычно объединяемый с говором Лужницы) еще монографически не описаны. Поэтому, например, не ставится вопрос об отношениях между тимокским говором и говором на территории пиротской общины, которые рассматриваются со времени О.Броха и А.Белича как одна диалектная единица, единый говор [25].

Напротив, болгарские диалектологи считают, что говоры на территории пиротской общины идентичны соседнему "царибродскому (димитровградскому)" говору [26], что подразумевает наличие в пиротском таких черт как əl на месте ĭ, ɣ/əɣ/ɣə на месте ģ (практически в полном соответствии с болгарским литературноязыковым правилом *vrah, varhove, vrəšnik*), один артикль, формы имперфекта с расширением -e - *reee*. Все эти формы нехарактерны для сербских тимокских говоров, но вопрос об их наличии в пиротском говоре оставался открытым.

Итак, сербская традиция оперирует следующими диалектными единицами со следующими дифференциальными языковыми признаками:

Говор	Район распространения	Дифф. признаки
1) тимокский	Тимок, Заглавак, Буджак, Понишавле, Висок, Бела Паланка	ĭ
2) лужницкий	Лужница (Бабушница), Црна Трава, Крива Фея	ĭ, lə, u

В болгарской традиции ċ, ž-говоры называются "переходными"; при этом их статус может быть определен и как "наречие" и как "говор" [27]. Задача определения точных границ этих ċ, ž-говоров на востоке относительно št, žd-диалектов решена в работах Б.Цонева и Ц.Тодорова. В качестве специфической тенденции развития ċ, ž-говоров признавалось их движение в восточном направлении, во-первых, "вниз по рекам Витбол, Арчар, Лом и Цибрица"; во-вторых, из неизвестного исходного пункта в область северной Стара Планины, где они предположительно вытеснили первоначальные št, žd-говоры; в-третьих, Ц.Тодоров предполагает и для района Тимока "вытеснение первоначального št, žd-говора новопереселенным сербским" [28].

Первоначально в болгарской диалектологической традиции

не отмечалось попыток классификации ċ, ž-говоров; внимание исследователей концентрировалось на представлении их общих особенностей и на дискуссии о возможной интерпретации этих особенностей [29]. Затем Ст.Стойковым в болгарской части зоны были выделены три подговора - трынский, брезникский, белоградчикский [30]. В основу классификации были положены рефлексy *ĭ и *ɣ, *ъ и *ь; формы артикля; формы аккузатива ед.ч. местоимения 3 л. ж.р. *ġu / n'u*, формы датива мн.ч. местоимения 3 л. *ġim / ġum*; формы имперфекта. Кроме вышеупомянутых трех говоров к ċ, ž-зоне была отнесена также часть говора района Краиште [31]; этот переходный говор может рассматриваться и как часть кюстендилского говора [32]. У Р.Божкова говор всего района Краиште получает новое название "говор Босилеграда" и рассматривается как одна диалектная единица [33], несмотря на то, что он очевидно представляет собой конгломерат генетически различных компонентов. В 1978 году появилось описание "годецкого говора", западные границы которого, однако, "очерчиваются неясно", и кроме того, сам годечский говор делится на две части: собственно годечский и переходный к трынскому [34]. Переходный характер "годецкого говора" очевиден, однако, также и в его "собственно годечской" (то есть, непосредственно входящей в ċ, ž-зону) части, что заставляет поставить под вопрос целесообразность и обоснованность выделения его в качестве отдельной лингвистической единицы в рамках южнославянской ċ, ž-зоны. Аналогична ситуация и с "царибродским (димитровградским) говором", не имеющим западной границы и разделенным на северную и южную части по целому ряду признаков [35]. В целом, хотя в современной болгарской диалектологии отсутствует единая эксплицитная классификация ċ, ž-говоров на основе четко определенного набора критериев, диалектологи оперируют шестью диалектными единицами, выделение которых подтверждается следующими тремя общими дифференциальными признаками:

Говор	Район распространения	Дифф. признаки
1) трынский	трынский	ĭ/lə/u ɣ/əɣ 3 арт.
2) брезникский	Граово (Брезник)	ĭ/u ɣ 1 арт.
3) белоградч.	зап. - белоградчикский	ĭ ɣ 1 арт.
4) годечский	годецкий	ĭ/əl ɣ/əɣ 1 арт.
5) царибродск.	цариброд. (димитров.)	əl ɣ/əɣ/ɣə 1 арт.
6) босилеград.	Краиште	lə/u ɣə 1 арт.

В пределах \check{c} , \check{z} -зоны диалектологи обнаруживают, таким образом, восемь (под)говоров: тимокский, лужницкий, белградчикский, царибродский, годечский, трынский, брезникский и босилеградский. Синтез взглядов национальных диалектологий путем приложения к \check{c} , \check{z} -говорам единого списка классификационных признаков приводит, однако, к неудовлетворительным результатам [36]. Структурный подход позволяет определить положение царибродского и босилеградского говоров как исключительное (это единственные говоры, не имеющие в фонемном инвентаре слогообразующих \downarrow и \uparrow). Ареальный подход заставляет признать неестественным положение царибродского говора, географически расположенного в центре зоны, но со всех сторон окруженного целыми пучками изоглосс. Подобное положение дел заставляет признать либо инновационный, либо архаичный характер говора. Напротив, говоры белградчикский, тимокский, лужницкий и трынский не демонстрируют практически никаких острых диалектных различий. В центре исследуемой области интенсивность диалектной дифференциации оказывается, таким образом, значительно выше, чем в других ее частях. Исторический подход позволяет определить в качестве наиболее архаичного тимокский говор, сохраняющий оба слогообразующих сонанта без ограничений в дистрибуции, а также архаичную систему артиклей. Напротив, царибродский и босилеградский говоры должны быть признаны наиболее инновационными, ибо они, с одной стороны, утратили \downarrow и две формы артикля ($-v$, $-n$), с другой же - развили последовательности $e\downarrow$, er , $g\downarrow$. Среди инноваций царибродского говора две (утрата \downarrow и развитие $g\downarrow$) оказываются исключениями на целой \check{c} , \check{z} -территории и загадочным образом приближают этот говор к норме болгарского литературного языка. Если принять во внимание центральное географическое положение этого говора в зоне, а также тот факт, что по сравнению с соседними этот говор объективно менее подвержен болгарскому литературноязыковому влиянию, как минимум с того момента, как он оказался в границах Югославии, то следует констатировать нарушение целого ряда известных лингвогеографических закономерностей. Оказывается, далее, что наиболее архаичный (тимокский) и наиболее инновационный (царибродский) говоры граничат друг с другом. Отсутствие информации о постепенном переходе между тимокским и

царибродским типом, острота диалектной границы между ними при наличии географического континуитета и отсутствии видимых географических границ заставляет предположить сильнейшее воздействие на ситуацию экстралингвистических факторов. Следует заметить, что старая сербско-болгарская политическая граница, проходившая частью и вдоль северо-западной и западной границы царибродского округа, не может быть признана таким фактором, во-первых, вследствие относительной краткости своего существования (с 1878 по 1918), во-вторых, вследствие отсутствия совпадения языковой и политической границы на других участках, например, в районах Лужницы и Трына. С другой стороны, в литературе отсутствуют сведения о возможных массовых миграциях населения в царибродский район.

III. Анализ представлений сербской и болгарской диалектологии о \check{c} , \check{z} -зоне приводит к необходимости непосредственного рассмотрения диалектных данных по говорам региона. Такой анализ был осуществлен путем создания Диалектологического атласа восточной Сербии и западной Болгарии (ДАВСЗБ), в котором были представлены все имеющиеся диалектные данные как единый объект исследования (задача создания такого атласа уже ставилась в болгаристике М.Младеновым [37]). В атласе, в настоящее время подготовленном к печати, решаются два основных блока задач исследования:

1) Лингвогеографическое исследование пучка генетических изоглосс в западной Болгарии (установление их числа; их историческая и структурная оценка; оценка плотности пучка изоглосс; исследование отклонений от него).

2) Лингвогеографическое описание \check{c} , \check{z} -зоны (характеристика внешних границ зоны; установление возможно большего числа изоглосс, членищих зону; разработка критериев диалектологического членения зоны).

В ДАВСЗБ прямо заимствовано 355 пунктов БДА 3 и 4 [38], находящихся к западу от линии Лом - Михайловград - София. Полностью взяты также пункты БДА 6 [39], охватывающие "северозападные болгарские говоры в царибродском и босилеградском районах", числом 94. Общее число пунктов БДА, вошедших в атлас составляет 449. Данные по этим пунктам были рекартографированы. При этом были изменены некоторые решения

авторов БДА: 1) картографирование рефлекса *št* в формах, представляющих развитие **stj*, а не развитие **tj* (Карта ДАВСЗБ 1); 2) картографирование рефлекса *žd* в формах, представляющих развитие **zdj*, а не развитие **dj* (3); 3) картографирование отсутствия эпентетического *l* в **zemja* на основании примеров, представляющих развитие **běj*, **měj*, **rěj*, **věj* (4); 4) Картографирование перехода **vъ-*, **vъ > v-* на основании примеров с этимологическим **vol-*, **vļ-* или литературноязыковых форм (17); 5) Неразличение этимологических *l* и *ļ* (44, 45, 59); 6) Неразличение этимологических *l* и *ļ* (51, 52); 7) Неразличение различного вокалического окружения при исследовании рефлексов этимологического *h* (61, 63, 64).

В ДАВСЗБ включены также 99 пунктов, расположенных в западной части исследуемого района на территории Югославии. Данные по этим пунктам извлекались из диалектологических монографий и статей и из диалектных текстов, записанных на территории пиротской общины Д. Златковичем [40]. В 1989, 1992 и 1995 гг. автором были предприняты диалектологические экспедиции в восточную и южную Сербию, в ходе которых был собран аутентичный материал по говорам в общинах Заечар, Книжевац, Бела Паланка, Пирот, Цариброд, Бабушница и Црна Трава. В 1994 г. была осуществлена диалектологическая экспедиция в западную Болгарию с целью дополнения материалов БДА по областям Граово и Краиште.

Программа ДАВСЗБ включает 78 фонетических и 55 морфологических вопросов по следующим темам: 1) Рефлексы **tj*, **kt*, **dj*; 2) Рефлексы *l-epentheticum*; 3) Рефлексы носовых **ɔ*, **ɛ*; 4) Рефлексы **ъ*, **vъ-*, **ь*, вторичного редуцированного; 5) Слогообразующий *l*; 6) Слогообразующий *ɣ* (и группа **cɣ-*); 7) Рефлексы *ě*; 8) Палатальные *l* и *ļ*; 9) Согласный *j*; 10) Новые палатализации *k*; 11) Согласный *h*; 12) Согласный *f*; 13) Отдельные фонетические явления; 14) Род существительных исконно женского рода с основой на согласный; 15) Формы множественного числа, счетные и падежные формы существительных; 16) Постпозитивный артикль; 17) Формы местоимений; 18) Формы настоящего времени глаголов; 19) Вспомогательная частица будущего времени; 20) Формы имперфекта глаголов; 21) Формы аориста глаголов; 22) Формы причастия на *-l*; 23) Формы страдательных причастий; 24) Формы

прохибитива. При составлении программы принимались во внимание только те явления, которые прогнозировали наличие диалектного членения на включенной в создаваемый атлас территории.

IV. При создании ряда карт ДАВСЗБ были обнаружены значительные несовпадения между данными БДА 6 и остальными источниками. В соответствии с картами БДА 6 следовало бы выделить говоры района Димитровграда (или в большей части этого района) в отдельную диалектную единицу по следующим исключительным особенностям: *želt* (Карта ДАВСЗБ 30); *gelta* (31); *slance* (33); *vəlna* (34); *vəlk* (35); *sərp*, *sɛrp* (39); *sovaļka* (59); *glupaf* (67); *oʋes* (72); *žito*^o (73); *padnul* (137). Эти сведения картографируются в ДАВСЗБ, но не учитываются при анализе соответствующих диалектологических карт, так как они (1) противоречат данным других источников (и прежде всего диалектологических экспедиций в этот район) и (2) характеризуют находящийся на территории Сербии царибродский (димитровградский) говор как единственный островной в *č*, *ž*-зоне и к тому же как наиболее интенсивно развивающийся в направлении болгарского литературного языка, что в конечном счете объясняется методически ошибочным отбором в качестве информантов переселенцев из этого района в Болгарию.

При исследовании пучка изоглосс между восточно- и западноюжнославянским ареалом было подтверждено мнение А. Белича, П. Ивича и И. Поповича о наличии здесь важнейшей линии южнославянского языкового разграничения. Поэтому современные *č*, *ž*-диалекты не могут быть объединены с более восточными *št*, *žd*-диалектами в одной лингвистической единице, как это предлагают сделать болгарские диалектологи (И. Кочев) в новейших классификациях [41]. На основании данных карт ДАВСЗБ удалось составить максимально полный список составляющих пучок изоглосс и уточнить их географическое распространение, причем было доказано, что лишь часть из указанных изоглосс полностью совпадает с распространением переходов **tj*, **dj > č*, *ž*. Для оценки древности и истории формирования пучка изоглосс в западной Болгарии значение могут иметь следующие его особенности:

1) С точки зрения исторической фонетики пучок изоглосс составляют как древнейшие явления (рефлексы **tj*, **dj*, **q*, **ь*), так и новейшие или относительно новые (переход *h > v/#*).

2) В рассматриваемом пучке изоглосс часто участвуют лексикализованные единичные фонетические явления, географическое распространение которых в условиях длительного контакта двух больших диалектных массивов обычно может отклоняться от основных линий разграничения, отражающих действие лексически не ограниченных звуковых законов.

3) Изоглоссы сконцентрированы в пучке практически в одну линию и почти не образуют переходных типов.

Вероятно, таким образом, что сегодняшняя острая линия языкового разграничения не такая давняя и в любом случае не существует со времени поселения славян в регионе (И. Попович). Напротив, факты (включая новейшие исследования древнейшего слоя славянских топонимов, которые указывают на первоначально более западное прохождение изоглосс **tj > št/ć*, **dj > žd/ž*, **q > ə/u* в регионе [42]) говорят о том, что она возникла в новое время вследствие миграции населения с запада (П. Ивич, Цв. Тодоров).

Вместе с тем следует отметить, что при всей плотности рассмотренного пучка изоглосс он состоит из двух параллельно проходящих пучков, между которыми находится своеобразная исключительно узкая зона переходных говоров, называемая в дальнейшем восточной периферией *č*, *ž*-зоны. Периферия определяется восточной границей, которая картографически может быть представлена изоглоссой **dj > ž* (Карта ДАВСЗБ 3) и состоит из объединения следующих изоглосс: **tj > č* (1); **dj > ž* (3); **q > u* (5); *uglen* (6), *zəlvə* (32). Западная граница периферии, также состоящая из одного пучка изоглосс и картографически представляемая изоглоссой *volət/vola*, *volo* (98), определяет наличие следующих форм в периферийных *č*, *ž*-говорах: *ləžica* (16), *prəsten* (41), *esen* (53), *znau* (54), *goske* (57), *glu* (64), *glupaf* (67), *ovcite* (79), *vola* (98-107), Акк. ед.ч. личного местоимения ж.р. *ja* (111); совпадение форм мн.ч. женского и среднего рода у местоимений и причастий (117, 124, 140), указательное местоимение м.р. *toja* (121), формы аориста *sedna*, *pletoa* (7, 135, 136), 1-причастие *padnala* (137).

Карты ДАВСЗБ позволяют представить список из 72 изоглосс, которые могут использоваться для внутреннего членения *č*, *ž*-зоны. Применение же исторически и системно наиболее релевантных и признанных в обеих диалектологических традициях классификационных критериев (рефлексы **l* в двусложных словах и в позиции после губных; формы артикля) позволяет выделить на территории *č*, *ž*-зоны следующие говоры:

Тимоко-заглавакский говор (*gɫta*, *vɫk*, 3 артикля), расположенный в Сербии в области среднего и верхнего течения р. (Трговишки-)Тимок и захватывающий ряд сел в Понишавье в северо-западной части пиротской общины;

Старопланинский говор (*gɫta*, *vɫk*, 1 артикль), расположенный на территории общин Пирот (без северо-западной части), Димитровград в Сербии и административных районов Годеч, Белоградчик (в западной части) в Болгарии;

Лужицко-знепольский говор (*glata*, *vuk*, 3 артикля), занимающий соответственно восточную часть географической области Лужица (община Бабушница) в Сербии и западную часть географической области Знеполе (запад трынского района) в Болгарии;

Говор района Трынско Краиште (*gɫta*, *vuk*, 1 артикль), расположенный в южной части трынского административного района в Болгарии;

Говор района Кюстендилско Краиште (*glata*, *vuk*, 1 артикль), распространенный вокруг Милевска Планины в северной части босилеградской общины в Сербии и в прилегающих к границе селах в Болгарии.

V. Несмотря на наличие на диалектологической карте восточной Сербии и западной Болгарии пучка изоглосс, отделяющего западноюжнославянские диалекты от восточноюжнославянских, эта основная и относительно простая диалектная дифференциация в ряде случаев нарушена миграциями местного населения в восточном и западном направлении, приведшими к появлению нескольких островных диалектов [43], среди которых особый интерес представляет говор с. Вратарница. ДАВСЗБ делает возможным сравнительный анализ особенностей этого островного южнославянского говора с чертами любого говора, представленного хотя бы одним пунктом в ДАВСЗБ, и в конечном

счете обнаружение говоров, генетически наиболее близких этому островному, т. е. определение исходного пункта миграции последнего.

Село Вратарница находится в 14 км. к югу от г. Заечара в восточной Сербии. Основано оно вторичным переселением из соседнего села Заградже, которое, в свою очередь, возникло в результате миграции населения из т. наз. "болгарского Загорья", вероятно, во второй трети 19 в. Местная традиция хранит воспоминание лишь о последней миграции из Заградже (*Da li e staro šelo? I-Zagrade tuj se naselili*). Жители Вратарницы определяют себя как сербы. В болгарской литературе встречается мнение, что говор Вратарницы и Заградже восточноболгарского характера [44]. Исторический и ареальный анализ особенностей говора с. Вратарница позволил определить, что, с одной стороны, он демонстрирует несомненное генетическое единство с окружающим тимокским (тимокско-заглавакским) говором (но не в большей степени, чем с другими южнославянскими *č*, *ž*-говорами), с другой стороны, он сформировался в той части южнославянских *č*, *ž*-говоров, которая находилась под известным *št*, *žd*-влиянием (вероятнее всего вблизи говора с. Ошане в районе Белоградчика [45]). Но все же локализация исходного пункта миграции с точностью до группы сел оказалась возможной только с помощью БДА и ДАВСЗБ путем сопоставления карт, отражающих, во-первых, основные связи вратарницкого говора с *č*, *ž*-говорами, и во-вторых, его главные соответствия с болгарскими *št*, *žd*-говорами.

Соответствия между говором Вратарницы и *č*, *ž*-говорами:

Карта БДА 4	Признак	<i>č</i> , <i>ž</i> -говора	Вратарница	<i>št</i> , <i>žd</i> -говора
121	* <i>čr</i> -, * <i>čr</i> -	<i>сrп</i>	<i>сrп</i>	<i>čeren</i>
127	*едьль	<i>edən</i>	<i>edən</i>	<i>edin</i>
135	* <i>uho</i>	<i>uo</i>	<i>uo</i>	<i>uše</i>
138	* <i>rǫku</i>	<i>ruke</i>	<i>ruke</i>	<i>rāce</i>
140	* <i>mogľ</i>	<i>mogəl</i>	<i>mogəl</i>	<i>možal</i>
234	Акк. ед. ч. м. р. есть	есть	есть	нет
265	3 л. мн. ч. наст.	<i>predu</i>	<i>predu</i>	<i>predət</i>
276	3 л. мн. ч. аор.	<i>praveše</i>	<i>praveše</i>	<i>pravea</i>
278	* <i>padľ</i>	<i>padəl</i>	<i>padəl</i>	-
281	1-причастие	<i>bili</i>	<i>bili</i>	<i>bile</i>

Перечисленные явления дают на территории северо-западной Болгарии пучок изоглосс, к западу от которого следует предполагать исходный пункт миграции говора Вратарницы.

Соответствия между говором Вратарницы и *št*, *žd*-говорами:

БДА 4	Признак	<i>č</i> , <i>ž</i> -говора	Вратарница	<i>št</i> , <i>žd</i> -говора
13	* <i>žnety</i>	<i>žne</i>	<i>žane</i>	<i>žane</i>
15	* <i>ogľ</i>	<i>uglen</i>	<i>voglene</i>	<i>voglen</i>
17	* <i>žetva</i>	<i>žetva</i>	<i>žetva</i>	<i>žetva</i>
18	* <i>žedna</i>	<i>žedna</i>	<i>žedna</i>	<i>žedna</i>
99	-v в финале	<i>glupav</i>	<i>glupaf</i>	<i>glupaf</i>
100	Начальное f-	<i>vener</i>	<i>fener</i>	<i>fener</i>
103	<i>ž</i>	<i>sļze</i>	<i>sļze</i>	<i>səlzi</i>
222	Артикль м. р.	<i>volət</i>	<i>vola</i>	<i>vola</i>
247	<i>mi, vi</i>	<i>ni, vi</i>	<i>nie, vie</i>	<i>nie, vie</i>
248	<i>nas, vas</i>	<i>nas, vas</i>	<i>naze, vase</i>	<i>naze, vase</i>
251	<i>oni/one/ona</i>	<i>oni, one</i>	<i>oni</i>	<i>oni</i>
255	Указ. местоим.	<i>-ov/t-/on-</i>	<i>t-/on-</i>	<i>t-/on-</i>

Перечисленные явления дают на территории северо-западной Болгарии пучок изоглосс, к востоку от которого следует предполагать исходный пункт миграции говора Вратарницы.

Представленные соответствия позволяют определить положение исходного пункта миграции говора Вратарницы на границе между западноболгарскими *č*, *ž*- и *št*, *žd*-говорами, т. е. на восточной периферии *č*, *ž*-зоны, откуда он и был перенесен в Сербию. Именно на этой периферии сформировался своеобразный тип говоров, обнаруживающих (как и вратарницкий) не параллельные ряды дублетных форм, характерных для *č*, *ž* и *št*, *žd*-говоров, а специфическую единую комбинацию западных и восточных особенностей, что позволяет определить их как переходные говоры, а не как смешанные, т. е. сформированные путем смешения идиомов двух различных (*č*, *ž*- и *št*, *žd*-) групп населения. Отмечена и еще одна специфическая черта говора Вратарницы, позволяющая связать этот говор непосредственно с микроговором трех конкретных сел на восточной периферии *č*, *ž*-зоны. Речь идет о формах личных местоимений м. р. *toj* и *opoj*, встречающихся помимо говора Вратарницы только в пунктах БДА 124, 126, 128 (села Вырба, Струинодол, Сливовник; все в непосредственной близости от с. Ошане в районе Белоградчика). Эти три села представляют область микроговора, наиболее близкого вратарницкому как по общей комбинации особенностей, так и по наличию эксклюзивной черты, а тем самым и наиболее вероятный исходный пункт его миграции.

Сокращения

- БП - Български преглед, София.
 ГФФНС - Годишњак Филолошког факултета у Новом Саду.
 ЗБФЛ - Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, Нови Сад.

- ИССФ - Известия на Семинара по славянска филология, София.
 ЈФ - Јужнословенски филолог, Београд.
 ПЗБ - Пиротски зборник, Пирот.
 ППЈ - Прилози проучавању језика, Нови Сад.
 СБНУ - Сборник за народни умотворения, София.
 СДЗБ - Српски дијалектолошки зборник, Београд.
 СЕ - Съпоставително езиковзнание, София.
 СПбГУ - Санкт-Петербургский государственный университет
 ТЕД - Трудове по българска диалектология, София.
 ZfSl - Zeitschrift für Slawistik, Berlin.

Примечания

*Автор благодарит Сербскую академию наук и искусств (Белград), фонд имени Александра фон Гумбольдта (Бонн), югославских, болгарских и немецких коллег-диалектологов за неизменную поддержку его исследований. Работа была осуществлена с использованием программ по компьютерной диалектологии, разработанных в "Институте немецкого языка - Немецкий диалектологический атлас" Марбургского университета.

1. Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1954. 3 изд. С. 24-30; Жилко Ф. Т. Нариси з диалектології української мови. Київ, 1955. С. 41-43.
2. Русская диалектология. Под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965. 2 изд. С. 71.
3. Brozović D., Ivić P. Jezik srpskohrvatski/ hrvatsko-srpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988. S. 2.
4. Soboljev A. N. O definiciji predmeta serbokroatistike// ЈФ. Књ. XLVII. Београд, 1991. С. 233-237.
5. Увић П. Дијалектологија српскохрватског језика: Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1956. С. 14; Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte. 's-Gravenhage, 1958. S. 35.
6. Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960. S. 39.
7. Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte. S. 39.
8. Popović I. Geschichte..., S. 232, 236.
9. Младенов Ст. История на българския език. София, 1979. 2 изд. С. 21; Увић П. Дијалектологија..., С. 99.
10. Popović I. Geschichte..., S. 253.
11. Бояджиев Т. Пограничните български говори// Помагало по българска диалектология. София, 1984. С. 86.
12. Младенов Ст. К вопросу о границе между болгарским и сербским языком// Младенов Ст. Избрани произведения. Изследвания върху българския език. София, 1992. С. 275-290.

13. Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1993. 3 изд. Под редакцията на М. Сл. Младенов. С. 164.
14. Skok P. O bugarskom jeziku u svjetlosti balkanistike// ЈФ. Књ. XII. S. 75.
15. Lötzsche R. Das Problem der obersorbisch-niedersorbischen Sprachgrenze// ZfSl. Bd. VIII. Berlin, 1963. S. 172-183.
16. Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte. S. 39-40.
17. Увић П. Дијалектологија..., С. 114-116; Стойков Ст. Българска диалектология. С. 164-166; Флоринский Т. Лекции по славянскому языкованию. Киев, 1895; Белић А. Дијалекти источне и јужне Србије// СДЗБ. Књ. I. Београд, 1905; Тодоров Цв. Северозападните български говори// СБНУ. Кн. XLI. София, 1936. С. 9.
18. Ср., однако: Флоринский Т. Лекции..., С. 172-173; Увод в изучаването на јужнославянските езици. София, 1986; Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София, 1988.
19. Соболев А. Н. Говор села Вратарница в восточной Сербии в историческом и ареальном освещении. München, 1994. Ср., например: Манчев А. Материјал за фонетику говора села Петрлаш у општини Димитровград// ППЈ. Књ. 3. Нови Сад, 1967. С. 177-188; Божков Р. Димитровградският (Царибродският) говор// ТЕД. Кн. 12. София, 1984.
20. Broch O. Die Dialekte des südlichsten Serbiens. Wien, 1903. S. 7-8; Белић А. Дијалекти..., С. XL; Поповић У. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955. С. 91.
21. Popović I. Geschichte..., S. 274-275.
22. Broch O. Die Dialekte..., S. 325-336; Белић А. Дијалекти..., С. 91; Brozović D., Ivić P. Jezik..., S. 69; Увић П. Дијалектологија..., С. 109; Песо А. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1991. 5 изд. С. 22.
23. Станојевић М. Севернотимочки дијалекат// СДЗБ. Књ. II. Београд, 1911. С. 360-464; Стефановић Ж. Н. Нешто о говору Заглавка и околине// Споменница стогодишњице ослобођења Тимочке Крајине 1833-1933. Београд, 1933. С. 132-154; Богдановић Н. Говори Бучума и Белог Потока// СДЗБ. Књ. XXV. Београд, 1979; Динић Ј. Речник тимочког говора// СДЗБ. Књ. XXXIV. Београд, 1988. С. 7-335; Ђурић Љ. Говор Лужнице// СДЗБ. Књ. XXIX. Београд, 1983. С. 1-190.

24. Ђурић Љ. Говор Лужнице. С. 165-169.
25. Џвић П. О пореклу и особинама пиротског говора// Џвић П. Изабрани огледи. III. Из српскохрватске дијалектологије. Ниш, 1991. С. 191-203. 2 изд.; Ђурић Љ. Досадашња истраживања пиротског говора// ПЗБ. Књ. 15. Пирот, 1987. С. 13-21. Ср., односно: Соболев А.Н. О класификацији источних и југо-источних српских говора// Вестник СПбГУ. Сер. 2, 1994, вып. 3. С. 29-37; Соболев А.Н. О пиротском говору у светлости најновијих истраживања// ПЗБ. Књ. 21. Пирот, 1995. С. 195-213.
26. Божков Р. Български диалектен атлас. Северозападни български говори в Царибродско и Босилиградско. Част 1. Карти. Част 2. Статии, коментари, показалци. Софија, 1986. С. 14.
27. Стојков Ст. Българска диалектологија. С. 164; Цонев Б. Кратко известие за научното ми патување по [сев.-]западна Бугарија през летните вакации 1903. г. // Цонев Б. Историја на българскиот јазик. Том трети. Б. Специални части. Софија, 1984. 3 изд. С. 315; Виденов М. Годечкиот говор// ТБД. Кн. 10. Софија, 1978. С. 11.
28. Цонев Б. Кратко известие..., С. 321; Тодоров Цв. 1) Северозападните български говори. С. 8-11, 13, 15; 2) Говорни крстосвања во крайната северозападна българска област// БП. Год. 1. Кн. 2. Софија, 1929. С. 237.
29. Цонев Б. Историја на българскиот јазик. Том први. А. Обща част. Том втори. А. Обща част. Б. Специални части. Софија, 1984. 2 изд.
30. Стојков Ст. Българска диалектологија. С. 164-170.
31. Стојков Ст. Българска диалектологија. С. 159-160, 162-163; с опором на: Захариев У. Кюстендилско Краиште// СБНУ. Кн. XXXII. Софија, 1918. С. 179-207.
32. Умленски П. Кюстендилскиот говор// ТБД. Кн. I. Софија, 1965.
33. Божков Р. Босилиградскиот говор// Втори меѓународен конгрес по българистика. Доклади. Б. Диалектологија и ономастика. Софија, 1988. С. 135-141.
34. Виденов М. Годечкиот говор. С. 10-13.
35. Божков Р. Димитровградскиот (Царибродскиот) говор; Виденов М. Годечкиот говор. С. 14.
36. Соболев А.Н. Тимочко-луѓички говори во јужнословенској Ч, Џ-зони// Говори призренско-тимочке зони и соседних

дијалектата. Зборник реферата са научног скупа (Нишка Бања, 17-20. 6. 1992). Ниш, 1994. С. 85-105.

37. Младенов М.Сл. По някои актуални въпроси на јужнословенската диалектологија (предварителни белешки)// СЕ. Нг. 1. Софија, 1989. С. 44.

38. Български диалектен атлас. III. Југозападна Бугарија. Част 1. Карти. Част 2. Статии, коментари, показалци. Софија, 1975; Български диалектен атлас. IV. Северозападна Бугарија. Част 1. Карти. Част 2. Статии, коментари, показалци. Софија, 1981.

39. Божков Р. Български диалектен атлас.

40. Џвић П. Извештај о дијалектолошкој екскурзији по ужој Србији// ГФНС. Књ. IV. Нови Сад, 1959. С. 397-400; Стевановић В. О неким фонетским и морфолошким особинама данашњег говора Црне Траве// ЗБФЛ. Књ. XX/1. Нови Сад, 1978. С. 183-200; Златковић Д. 1) Пословице и поређења во пиротском говору// СДЗБ. Књ. XXXIV. Београд, 1988. С. 613-684; 2) Фразеологија страха и наде во пиротском говору// СДЗБ. Књ. XXXV. Београд, 1989. С. 175-457; 3) Фразеологија омаловажувања во пиротском говору// СДЗБ. Књ. XXXVI. Београд, 1990. С. 423-740.

41. Кочев У. Основното диалектно делење на българскиот јазик// Помагало по българска диалектологија. Софија, 1984. С. 31-42. 2 изд.

42. Лома А. Језичка прошлост југоисточне Србије во светлу топономастике// Говори призренско-тимочке зони и соседних дијалектата. Ниш, 1994. С. 107-136.

43. Младенов Ст. Към въпроса за јазикот и националната припадност на Ново село (Видинско)// СБНУ. Кн. XVIII. Софија, 1901. С. 471-506; Младенов М.Сл. Говорот на Ново село, Видинско. Принос към проблема за смесени говори// ТБД. Кн. 6. Софија, 1969; Џвић П. Неколку гласовних појава во говору на Ново село видинског// Во памет на проф. д-р Ст. Стојков. Езиковедски истражувања. Софија, 1974. С. 167-173; Џвић П. Однос измеѓу карашевског и свиничког говора// Македонски јазик. Год. XL-XLI. 1989-1990. Скопје, 1995. С. 201-215; Томић М. Говор Свиничана// СДЗБ. Књ. XXX. Београд, 1984. С. 7-265.

44. Павлов А. От Тимок до Морава. Софија, 1918.

45. Соболев А.Н. Говор села Вратарница. С. 188-190.